

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки,
П. Швайтцер

СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ
СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ:

СОЦИАЛЬНЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ САМОСОЗНАНИЯ

2004

(стр. 97 и след.)

Все, писавшие в XIX–начале XX века об освоении Сибири, отдавали себе отчет в том, что на этой обширной территории происходят разнообразные и разнонаправленные этнические процессы, однако большинство авторов трактовало эти процессы в рамках существовавших тогда теоретических принципов, согласно которым все люди без исключений должны распределяться без остатка по национальным "клеточкам"¹. Согласно этой позиции, контакт между этническими группами приводит к ассимиляции: более слабая группа ассимилируется и уподобляется более сильной. Процесс ассимиляции занимает время, и на промежуточных его этапах могут появиться группы, относительно этнической принадлежности которых может не быть ясности. Один из ведущих специалистов по истории Сибири И. Серебренников писал: "В случае смешения русского и инородческого населения могли получиться два результата: или "русел" инородец, и оставаясь таковым в сословном отношении, он говорил уже о русском языке как о родном, или же "обинородчивался" русский, забывал свой язык и, оставаясь крестьянином, мог считать своим родным языком какой-нибудь новый – якутский, например" (Серебренников 1908а: 23). Фиксируя этот процесс и отмечая его широкую распространенность, ученый сетует на то, что подобные случаи очень мешают ему как демографу и статистику, поскольку значительную часть населения Сибири оказывается невозможным распределить по национальности – поэтому ненадежны и неточны результаты переписей.

Эти переходные случаи плохо укладывались в простые схемы: разные этнические признаки указывали в противоположные стороны. Выяснялось, например, что идентификация человека по языку и по другим признакам не совпадает (по языку – якут, но "на самом деле" – русский; или по языку и вере – русский, а "на самом деле" – чуванец); в этих случаях ученые, разделявшие принятые в это время эволюционистские убеждения, оказывались перед затруднением, которое они пытались объяснить или обойти разными способами.

Трудно провести отчетливую классификацию точек зрения на этот предмет, но с известной долей упрощения можно выделить три позиции.

Согласно первой, все народы находятся на хорошо структурированной лестнице, в зависимости от степени их развитости – на более высокой или более низкой ступеньке. Эта иерархия национальностей отсчитывается от "немцев", "англичан" или "французов" – носителей высших форм европейской культуры, следом идут русские (которые, однако, будучи православными, одновременно превосходят "европейцев" в вопросах веры); еще ниже идут образованные, христианские народы, имеющие или имевшие в прошлом свою государственность – например, армяне или грузины; еще ниже располагаются нехристианские цивилизованные народы, китайцы или арабы, далее – якуты, буряты, и наконец низшие формы – "кочевые, оседлые и бродячие инородцы". В соответствии с этой иерархией, ассимиляция должна идти снизу вверх, то есть направление ее должно совпадать с направлением прогресса (см. Sunderland 1996: 809). Противоположно направленная ассимиляция – "деградация" – воспринимается как бедствие, получившиеся в результате группы – как испорченные, одичавшие, низшие. "Поведение, которое могло быть простительно или даже забавно в "азиатах" и вчерашних инородцах, казалось афронтом, когда его демонстрировали русские. Они странно говорили, странно одевались и жили в мрачном мире суеверий, жестокости, прелюбодеяния и пьянства," – пишет Юрий Слезкин об отношении русских к своим "отуземившимся" собратиям (Slezkine 1994а: 170); хотя он говорит здесь о более позднем периоде, это высказывание как нельзя лучше подходит для характеристики описываемой точки зрения, основным содержанием которой был двойной стандарт: поскольку контактирующие культуры изначально не равны, то, следовательно, существует "правильная ассимиляция" (снизу вверх) и "неправильная ассимиляция" (сверху вниз).

Соответственно выглядят и характеристики "колымчан" или "приленских крестьян" – отсталые, туповатые, диковатые, потерявшие цивилизованные вкусы, вымирающие. Пожалуй, самым ярким представителем этой точки зрения из известных нам авторов, писавших об этой проблеме, является некий М.А. Миропиев, издавший в 1901 году в Синодальной типографии труд "О

¹ См. превосходный анализ того, как зарождалось убеждение, что отдельный индивид обязан недвусмысленно принадлежать к одной национальности, в работе Д.Андерсона (1990: 79 и сл.); см. также (Slezkine 1994b).

положении русских инородцев" (Мирописев 1901) – книгу, написанную с резко очерченных правых позиций и с четко выраженной анти- мусульманской направленностью. Мирописев особо сокрушается, что русские, уподобившись инородцам, выродившись духовно и физически, окончательно уронили свое "русское дело государственной важности – дело обрусения инородцев" (с. 296). Все эти "отатарившиеся", "окиргизившиеся", "осамоедившиеся", "обостячившиеся" русские вызывают у автора брезгливую жалость (с. 291-292) – что не мешает ему в другом месте книги, забыв о логике, писать с пафосом и даже с гордостью об особенностях "загадочной славянской души", которая делает русских податливыми и переимчивыми – в отличие от "китайцев, евреев, немцев и англичан", которые всегда и везде остаются самими собой (там же: 288-289) – качество, не вызывающее у автора никакой симпатии.

О населении Камчатки еще В.Маргаритов в 1899 году писал, подчеркивая двухсторонний характер процесса – "обрусении камчадалов и окамчадалении русских" (Маргаритов 1899: 110-111). Русские передали камчадалам веру, язык и тип жилища и заимствовали у них охоту, промысел, заготовки и т.п. – пишет Маргаритов (там же: 125), причем пишет с сожалением: как о *неудаче* русских, которые не сумели полностью подтянуть туземцев до своего уровня, и вместо этого частично опустились до уровня туземцев. На близких позициях стоит С.К. Патканов, который также сокрушается об "одичании" русских: в Восточной Сибири, где русское население состоит сплошь из старожилов, можно наглядно видеть, "во что может обратиться при очень тяжелых условиях жизни заброшенный на чужбине и предоставленный самому себе (так! – Авт.) русский человек. Русское население Камчатки, Охотского, Гижигинского и в особенности Колымского края представляет почти сплошную бедноту, они перемешались с местными инородцами низшего типа, опустились и выродились и физически и духовно..." (Патканов 1911: 184). А. Аргентов пишет о жителях низовий Колымы, что те "обьюкажирились и одичали" (1879: 9). Ему вторит В.Г. Богораз: "На всем свете едва ли можно найти подобный заброшенный угол, где бы осколок культурного народа жил в таком беспомощном унижении..." (Н-ъ 1897: 5), и далее: "Странно и грустно видеть небольшую группу русских людей, Бог знает зачем поселившихся в этом неприютном краю, давно опустившихся до низкого уровня развития окружающих инородческих племен, и тем не менее сохранивших массу воспоминаний и пережитков иной, более культурной жизни" (там же: 20).

Упадок и деградацию умудрялись находить даже в языке русских переселенцев – ср. следующее высказывание: "Смешение русских старожилов с инородцами отразилось в невыгодную сторону на русском языке их потомков" (Григорьев 1928: 267).

Вторая точка зрения, также достаточно распространенная, исходит из тех же предпосылок – той же или сходной иерархии "культурности" и "цивилизованности" – и так же неодобрительно смотрит на тех русских переселенцев, которые переняли черты быта, поведения, облика, языка или верований у инородцев либо и вовсе ассимилировались. Однако эти авторы скорее склонны оправдывать такое "нехорошее поведение" русских тем, что у тех просто не было другого выхода. Так, П.Головачев в нескольких публикациях (Головачев 1902^a, 1902^b) подробно описывает все "грехи" сибирских русских. Его вывод: влияние русского населения на инородческий мир Сибири невелико в смысле положительном, чего следовало бы ожидать как от элемента многочисленного, более культурного и стойкого и, наоборот, весьма заметно в смысле отрицательном, разлагающем и вредном для инородцев. Обратное влияние можно усмотреть в физическом типе, быте и языке. Физический тип, появившийся в результате смешанных браков, представляет собой вырождение: умственно отсталые, физически слабые, поголовно больны сифилисом и вымирают. Быт – явный регресс по сравнению с русским: едят полусырое мясо, верят в шаманов и держат дома идолов. Русский язык забыт, люди не понимают старинных русских песен, речь сюсюкающая и страшно испорчена инородческим влиянием (Головачев 1902^a: 145-146). Однако здесь же находим и такое высказывание: "Инородцы долголетним опытом выработали самые простые и практичные меры для защиты от холода, для передвижения по тундре и т.п., и новым пришельцам, русским, оставалось только следовать их вековому опыту" (там же: 144).

Эти позиции различаются не столько подходом, сколько степенью раздражения их носителей по отношению к "отуземившимся" русским и тем, насколько они склонны этих русских оправдывать. Обе группы ученых подписались бы, видимо, под следующей фразой, которую использует W.Sunderland для характеристики этой позиции: "В смешении не видели ничего дурного, но оно

должно было в результате дать, с культурной точки зрения, русского, а не кого-то иного" (Sunderland 1996: 810).

Третья, более редкая и, по-видимому, более поздняя позиция трактует переимчивость русских и способность их к ассимиляции не как упадок или вырождение, а как минимум нейтрально. Так, один из авторов, писавших в конце прошлого века о Якутии, констатируя, что якуты подчиняют своему влиянию немногочисленных здесь русских, замечает, что приленские крестьяне сплошь забывают язык и переходят на якутский – но никаких гневных инвектив в адрес "предателей русского дела государственной важности" не следует: автор просто отмечает поразивший его факт (Вруцевич 1891: 29). Другой автор пишет с оттенком восхищения о якутах на севере Дальнего Востока: "Якуты, подобно китайцам, обладают какой-то особенной агрессивной силой, объёживая все народы, с которыми приходят в соприкосновение – не только тунгусов, но и великороссов. Они сумели заставить решительно всех говорить по-якутски" (Георгиевский 1929: 8)².

Вот что писал через несколько десятков лет о том же районе С. Бахрушин – писал тоже без оценок, отстраненно констатируя факт: смешанные браки русских крестьян с якутскими женщинами в середине XVII века привели к сильному "объёживанию" русских: "изменился физический тип, русские перешли на якутский язык, восприняли религиозные представления, в частности веру в шаманов. Одежда, орудия, жилища – все у этих русских было якутское" (Бахрушин 1927: 306).

Похожие мотивы есть и у Богораза: русские пришельцы, пишет он, смешиваясь с туземными аборигенами, составили своеобразную племенную смесь, которая, с одной стороны, сохранила русский язык... русские сказки, суеверия и многие обычаи..., а с другой – усвоила весь материальный быт туземных племен и приняла образ жизни и привычки охотников-ихтиофагов, какими были тунгусы и юкагиры, жившие в этих местах до прихода русских" (Богораз 1899б: 103). Тем не менее у русского населения существует вполне определенное "национальное самосознание", которое, между прочим, выражается в постоянных насмешках над окружающими инородцами... Зато с пришельцами из России население никогда не ставит себя наравне. Колымчане смотрят на "настоящих" русских снизу вверх, стараются подражать, восхищаются умениями и умом русских (там же: 106-107). Нейтрален и Майнов: "Наряду с остатками глубокой русской старины, уже забытой на Оке и на Волге, у них можно наблюдать и заимствования от юкагиров, ламутов и якутов, и образование на новой родине особых чисто местных обычаев" (Майнов 1927: 386).

Другой автор находит в многочисленных фактах "отуземливания" русских подтверждение своего мнения о своеобразном превосходстве русских над другими народами. Ср. следующую очень типичную цитату: "... там, где русским насельникам пришлось жить вместе с инородцами – в городе или в уезде, уже в первый период заселения Сибири, установилось между завоевателями и покоренными полное житейское общение: какой-нибудь племенной вражды, отчуждения мы совсем не замечаем. Подобное общение устанавливалось необыкновенную способностью русского человека к уживчивости с людьми... Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякой народностью <...>; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, он быстро превращал в свою плоть и кровь всяких сибирских инородцев, хотя, конечно, и сам не вполне оставался тем, чем был до переселения в Сибирь" (Буцинский 1889: 334-335). "Не вполне оставался" – весьма изысканное выражение для описания того, для чего другие авторы не находят иных слов, чем "деградация", "упадок", "одичание", "опустились", "выродились".

Еще один, более поздний автор также находит в ассимиляции русских некоторые плюсы: "Насколько чукчи великолепно приспособились к местным условиям, показывает то, что два встреченных нами американца, поселившись у них, перешли совершенно на чукотский образ жизни. Русские, по своей характерной национальной особенности, входя в соприкосновение с инородцами, быстро усваивают их язык и образ жизни" (Толмачев 1911: 100). Здесь факт

² Со ссылкой на: В.К.Арсеньев, Е.И.Титов. Быт и нравы народностей Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток. 1928.

приспособления к местному образу жизни трактуется уже как признак, во-первых, идеального соответствия этого образа жизни окружающим природным условиям, и во-вторых – признаком здоровья приспособляющегося человека³.

Сюда же примыкает и такая позиция, сформулированная, правда, несколько позже: "Русские в значительной степени перемешались с камчатской кровью, усвоили от камчадал туземные способы хозяйствования, однако в своем самосознании, по крайней мере до тех пор, пока это было выгодно, противопоставляли себя камчадалами (Жидяевский 1930: 119; выгода заключалась в том, что с камчадалов собирался ясак, а с прочих нет – Авт.). Это – одна из очень немногих работ, в которой автор, хоть и робко, но пишет о том, что этничность зависит от экономической выгоды. Он же пишет далее: "Камчадалы, говорящие на русском языке, по всесоюзной переписи 1926 года отнесены к русским, на том основании, что они говорят на русском языке. Однако, кроме языка, камчадалы ни в чем не отличаются от ительменов, с которыми имеют и общее происхождение" (там же: 119).

Виллард Сандерланд собрал в своей статье (Sunderland 1996: 821-823) достаточно убедительный перечень всех возможных объяснений, к которым прибегали ученые конца XIX – начала XX века для объяснения феномена "отуземливания" русских – феномена "неправильной" ассимиляции, которой теоретически быть не должно. Прежде всего, ее объясняли демографически: процент русских в инородческой среде был слишком низок, их поселения слишком малы. Объясняли ее и "от среды" (environmentalist): русские поселки были изолированы, окружающая природа – сурова, недружелюбна и агрессивна, а окрестные народы – упорны и многочисленны. Еще одна группа объяснений – через низкий уровень, культурную отсталость самих русских переселенцев, контакт которых с туземцами привел в ряде районов к ассимиляции русских, а не туземцев потому, что был контактом равных, а не более цивилизованных с менее цивилизованными⁴.

Соединение данного типа объяснения с объяснением от среды порождало и такие, уже упоминавшиеся, идеи, что туземцы в данных природных условиях имели определенное материальное преимущество перед русскими поселенцами – и поэтому русские, будучи по природе уживчивы и преимчивы, воспринимали элементы туземного быта.

Попытки объяснений этих явлений более или менее закончились в России к середине 1930-х годов, когда окончательно сформировалась, застыла и окаменела знаменитая схема советской этнографии "нации – национальности – народности – этнографические группы" (см. Крюков 1989). Это "номиналистское" направление⁵ представляет собой, по мнению Дэвида Андерсона, "дальнейшее развитие старого подхода официальной этнографии, согласно которому не только необходимо ранжировать группы, но и подданные или граждане должны однозначно

³ Этот подход уже гораздо ближе к современному взгляду, хорошо сформулированному, например, в лингвистике: конвергенция языка с другим, доминирующим языком считается симптомом языковой жизнестойкости, а не языкового упадка (см. Cook Eung-Do 1995). Замена языка общины, или иначе – переход общины с одного языка на другой – не столько уничтожает культурную специфику, сколько служит индикатором сохранения тонких социальных ценностей в периоды быстрой культурной смены (Kwachka 1995: 19-24). Это положение резко контрастирует с "оценочным" эволюционистским взглядом на процесс языкового смешения, согласно которому результаты языкового смешения могут быть "лучше" и "хуже" – ср. уже приведенную выше цитату: "Смешение русских старожилов с инородцами *отразилось в невыгодную сторону* на русском языке их потомков" (Григорьев 1928: 267, курсив наш – Авт.).

⁴ Полезно привести здесь следующую характерную цитату: "В Сибири, как в стране, завоеванной такими людьми, которые немногим были выше ее туземных полудиких племен, победа господствующей расы была результатом войны... Русские явились в Сибирь как завоеватели и, кроме оружия и эксплуатации, не могли ничего принести с собой в среду туземного населения" (Михайлов 1886: 95). Число таких цитат можно легко умножить: видя, как их соплеменники в нарушение всех социологических принципов теряют язык, религию, культуру, внешний облик, привычки и умения "цивилизованного человека" и превращаются в "дикарей", ученые, естественно, искали объяснения в пределах существовавших теорий развития общества – и простая логика приводила их к выводу, что, раз, согласно теории, ассимиляция возможна только снизу вверх, следовательно ассимилированный реально "ниже" ассимилировавшего, хотя внешне ситуация может выглядеть и противоположным образом.

⁵ Идеи эти, как известно, восходят к работе И.В. Сталина "Марксизм и национальный вопрос" (1913): в этой работе уже есть все те термины, которые впоследствии лягут в основу этнографических теорий в СССР: нация, национальность, народность, а также "запоздалые нации и народности", "низшие" и "высшие" степени развития нации и т.п.

принадлежать к одному, и только одному, определенному народу" (Андерсон 1998: 93) – независимо от того, что говорят сами эти подданные. Для этого подхода явления, подобные рассматриваемым в данной книге, составляли определенное неудобство: согласно теории, общность может быть либо "русской", либо "туземной" – к промежуточным, текучим, переходным, неустойчивым формам эта теория относится с подозрением. Когда такие формы бьют в глаза – ссылаются на традиционную этнографическую терминологию, ср.: "Сейчас русские старожилы-марковцы (их в совхозе несколько семей) живут среди численно превосходящего их русского пришлого и чукотского населения. Марковцев *по традиции* считают чуванцами и юкагирами..." (Гурвич 1966: 258; выделено нами – Авт.). Непреодоленное наследие эволюционизма, крепко усвоенная иерархия народов и культур по степени цивилизованности, почти бессознательно регулирующая мысль ученых, сказывается практически во всех работах этого времени. Даже такой представитель "точной науки" (физической антропологии), как В.В. Бунак, позволяет себе следующие замечательные "проговорки": "На южной лесостепной окраине Западной Сибири татарские селения, окруженные русскими деревнями, частично денационализировались [то есть переставали быть татарами – Авт.] и вливались в русскую этническую среду. В Якутии и на северо-востоке Сибири <...> происходил обратный процесс – слияние потомков русских поселенцев с якутами или эвенками" (Бунак 1973: 173, выделено нами – Авт.). Слияние татар с русскими – это *один* процесс, а слияние русских с эвенками – *обратный*... Необыкновенно все-таки устойчивая модель – лестница эволюции.

Другой исследователь Севера, В.А. Туголуков, пишет, что чуванцы не представляют собой единой *народности* ни в языковом, ни в культурном и бытовом отношении. Их можно квалифицировать как своеобразную *этнографическую группу*, занимающую промежуточное положение между юкагирами, северо-восточными палеоазиатами (коряки и чукчи) и русскими старожилками. Сами чуванцы считают и называют себя именно чуванцами (Туголуков 1975: 189) ⁶.

⁶ Естественно, исследуемый материал – реальные люди, реально существующие общины – сопротивляется такому подходу. И тогда ученые изобретают удивительные приемы исследования вроде следующего, предложенного П.И. Кушнером в докладе "Этническая граница", представленном 2-му Всесоюзному географическому съезду: "Реальное <...> определение линии этнической границы возможно только после специального сплошного этнографического обследования на месте [имеется в виду по сути дела полный и индивидуальный опрос всех жителей. – Авт.]. <...> Поскольку метод сплошного этнографического обследования громоздок и требует много сил и времени, на практике приходится прибегать к более простым, хотя и паллиативным средствам... <...> В основу этнографической карты следует положить принцип выявления удельного веса национальностей в пределах возможно более мелких территорий" (Кушнер 1949: 296-299). Иначе говоря, все неясности и промежуточные случаи возникают не из-за неверности метода, а из-за недостаточно полного его применения, из-за недостатка данных. Это напоминает уверенность физиков XIX века о том, что лишь несовершенство приборов не позволяло им обнаружить эфир.